

Статьи. ДВОРЦОВЫЕ ИНТРИГИ 1730-Х ГОДОВ И "ДЕЛО" А. П. ВОЛЫНСКОГО

Автор: Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ

Петрухинцев Николай Николаевич - доктор исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета.

Императрица Анна Иоанновна любила Петергоф едва ли не так же, как и строивший его Петр I (не сохранившийся до наших дней, раздиравший пасть льву растреллиевский "Самсон" в петергофском каскаде был установлен именно при ней), и проживала там обычно летом. В 1739 г. во время одного из приемов своих министров, она крайне неблагосклонно встретила поданную ей А. П. Волынским записку "о вымыслах и затейках" при царствующих дворах, направленную своим острием против А. И. Остермана. "Ты подаешь мне письмо с советами, как будто молодых лет государю", - сказала Анна, - и "слова ее обдали холодом несчастного автора"¹.

Эта фраза С. М. Соловьева (равно как и его несколько ироничный тон в характеристике "дела" и личности "несчастливого" кабинет-министра) надолго предопределили всю последующую историографическую традицию в оценке Артемия Петровича Волынского. Не украшенный многими добродетелями (но замеченный и выдвинутый в ряд серьезных политических фигур еще Петром I) самолюбивый и амбициозный кабинет-министр в конечном итоге превратился в ней в заурядного "мятежного подхалима", неосторожно задевшего выведшего его "на свет" бывшего "патрона" - всесильного Э. И. Бирона². Но возникает вопрос: почему падение Волынского произошло лишь восемь месяцев спустя после петергофских событий - в апреле 1740 года?

Еще Соловьев отметил, что "петергофская записка" Волынского, если и не достигла желаемых им целей, то "...непосредственно не имела для него и вредных последствий"³. Анализ внутривластных акций и хода дворцовых интриг конца 1730-х годов с привлечением некоторых не использованных ранее архивных материалов (в частности, ряда неопубликованных частей записок "конфидента" Волынского Ф. И. Соймонова⁴) позволяет не только подтвердить, но и конкретизировать наблюдения Соловьева и утверждать, что "петергофская записка" была лишь эпизодом в запутанной и сложной дворцовой интриге, оказавшей самое серьезное влияние на многие направления внутривластного курса России в тот период.

Если в феврале 1737 г. английский посланник доносил, что в России "делается только то, что графу Бирону угодно бывает приказать"⁵, то ближе к финалу царствования Анны Иоанновны картина несколько изменилась. В российской бюрократической верхушке вновь проявились признаки оживле-

ния дворцовых интриг, в ходе которых влияние Бирона на события далеко не всегда было безраздельно доминирующим.

Завязавшаяся при дворе двухлетняя (весна 1738 - весна 1740 г.) закулисная борьба прошла в своем развитии по меньшей мере три фазы.

Первая (май - октябрь 1738 г.) была связана с сопротивлением первому проекту пока еще частичной приватизации казенных металлургических заводов, инициированному генерал-берг-директором Шембергом при поддержке Бирона, и с неудавшейся попыткой устранить от руководства флотом адмирала Н. Ф. Головина. Уже на этом этапе произошло заметное охлаждение отношений между герцогом Бироном и Волынским.

Вторая (зима - весна 1739 г.) ознаменовалась лишь частичными успехами Бирона, сумевшего реализовать первый "приватизационный проект" Шемберга и создавшего почву для приватизации всей уральской государственной металлургии, но потерпевшего поражение в своих династических планах - проекте женитьбы сына Петра на фактической наследнице престола племяннице Анны Иоанновны принцессе Анне Леопольдовне.

Третья (лето 1739 - весна 1740 г.) была отмечена прямым столкновением Волынского с Остерманом и завершилась сплочением так называемой "немецкой" придворной группировки против амбициозного кабинет-министра, заявившего именно в тот момент о претензиях на формулирование самих основ внутривластного курса страны. Результатом стало "дело Волынского" и устранение его с политической сцены.

Сама "завязка" первой фазы дворцовой интриги, последовавшая сразу после назначения в апреле 1738 г. Волынского кабинет-министром, ставит под сомнение укоренившееся представление, что своим возвышением он был обязан исключительно Бирону, искавшему противовеса против влияния Остермана⁶.

Новый кабинет-министр подозрительно скоро стал дистанцироваться от своего благодетеля. Уже через месяц после назначения он перестал оправдывать надежды курляндского герцога.

Во-первых, Бирон не получил ожидаемой поддержки в вопросе о передаче в частные руки казенных металлургических заводов. Подготовленный еще до конца мая 1738 г. доклад кабинет-министров отверг выдвинутый в начале 1738 г. Шембергом проект приватизации открытых на Белом море "лапландских" месторождений серебряной и медной руды⁷ и строящихся В. Н. Татищевым на Урале Гороблагодатских казенных железных заводов⁸.

Во-вторых, Волынский начал атаку против руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Н. Ф. Головина - сына одного из самых талантливых сподвижников Петра Ф. А. Головина, фактически осуществлявшего в 1699- 1706 гг. текущее руководство внутренней и внешней политикой России⁹. Однако Н. Ф. Головин, очевидно, не унаследовал выдающихся способностей отца, и, будучи образованным моряком,

сделал карьеру преимущественно в дипломатическом ведомстве, руководимом Остерманом. Оттуда он и был назначен в 1732 г. руководителем Адмиралтейской коллегии, обойдя нескольких опережавших его рангами, старшинством и заслугами адмиралов. Ф. И. Соимонов прямо называл Головина кратурой не Остермана, а Бирона¹⁰.

Атаке на Головина способствовал и личный конфликт Волынского с ним, вызванный тем, что Головин в 1737 г. присвоил 10 тыс. рублей, выданных Адмиралтейству Конюшенной канцелярией в счет займа, взятого ее руководителем Волынским у флотского ведомства на покупку лошадей в Башкирии. Вероятно, этой нехитрой финансовой комбинации способствовало и отсутствие Волынского, отправленного на Немировский конгресс. В конфликт оказался вовлечен и Соимонов, заставивший Головина осенью 1737 г. вернуть деньги, но не сумевший предотвратить свою публичную ссору с адмиралом и огласку дела, дошедшего до государыни, у которой Головин едва вымолил на коленях прошение¹¹.

Этот конфликт способствовал дальнейшему сближению Волынского с одним из своих главных "конфидентов" - атака на Головина была начата финансовой ревизией флотского ведомства по предложению Соимонова, зас-

стр. 31

лушанному в Сенате 29 мая 1738 г. (то есть буквально в те же дни, когда Кабинет министров отклонил первый шемберговский план приватизации металлургии).

Подобное совпадение не позволяет представить атаку на Головина лишь следствием случайного личного конфликта, оно скорее свидетельствует о том, что по интересам Бирона уже в мае 1738 г. был нанесен двойной удар: независимо от намерений своих противников, в случае успеха интриги он лишился не только ожидаемой прибыли от заводов, но и контроля (через Головина) над военно-морским ведомством с запирающими выход в Финский залив линейными кораблями и расквартированными в самом Петербурге и Кронштадте более чем 10.000 матросов.

Волынский вряд ли был пассивным (например, "остермановским") орудием в этой интриге. Он не мог не осознавать ее последствий и не видеть явного недовольства Бирона. О его активной позиции свидетельствует и дальнейший ход этой интриги, которая продолжала нарастать и достигла кульминации за год до "петергофской записки", в августе 1738 года.

Созданная указом императрицы 31 мая 1738 г. (всего через два дня после рассмотрения Соимоновского предложения о флотской ревизии и вскоре после получения негативного для Бирона мнения кабинет-министров о заводах) особая комиссия о заводах, переданная 2 июня 1738 г. под управление брата фельдмаршала барона Х. В. фон Миниха¹² пришла к выводу о целесообразности их передачи в частные руки. Но в докладе 1 августа 1738 г. она снова отвергла шемберговский вариант приватизации лапландских и гороблагодатских заводов, фактически повторив и углубив аргументацию майского доклада кабинет-министров. Бирон

снова потерпел ощутимое поражение, несмотря на то, что Шемберг открыто заявлял о его поддержке (Соймонов утверждал: "...а порукою по себе написал известного герцога Курлянского графа Бирона..."¹³).

Почти в то же время по позициям Бирона был нанесен и второй удар.

Флотская ревизия, начатая внезапной проверкой комиссии, состоящей из сенатора В. Я. Новосильцева, президента Ревизион-коллегии А. И. Панина и сенатского обер-прокурора Ф. И. Соймонова, выявила невозвращенные Н. Ф. Головиным в течении пяти лет займы 40 тыс. рублей у ведавших финансами подчиненных ему флотских офицеров¹⁴. Даже сам Головин, жаловавшийся уже после падения Волынского на "неправедную" ревизию, признал факт заимствования им по векселям 25000 рублей из флотских сумм¹⁵.

Волынский практически уже исходатайствовал у императрицы указ о предании адмирала воинскому суду. Соймонов "...тот указ у Волынского видел и думал, что на другой день он государыней подписан будет..."¹⁶.

Но возможная отставка Головина, судя по сообщениям Соймонова, практически совпала с негативным для Бирона решением комиссии о заводах. Разъяренный фаворит, "...получа такое укорочение ему поношением...", прямо направился на приморский двор своего старого опального протеже (уже более месяца под предлогом болезни никуда не выезжавшего - и это в тяжелейший период русско-турецкой войны, когда в Очакове умирал от чумы его подчиненный, получивший в отличие от Головина адмиральский ранг еще при Петре I Н. А. Сенявин) и обещал адмиралу полную помощь и поддержку.

Решающие события развернулись на следующий день. Когда Волынский "...подал, минуя Бирона..." на подпись императрице уже заготовленный указ о суде над Головиным - обер-камергер, "...взяв оной у Государыни из рук, бросил Волынскому в глаза, упрекая его, что он неправильно подает на графа Головина, а он де человек честной и доброй". Изумленный Соймонов уже в следующий воскресный день, будучи с визитом у императрицы в Петергофском дворце, видел, как адмирал из ее покоев "...вышел в залу в веселом виде...", а потом мало-помалу "...помощию" своего патрона Бирона пришел в прежнюю свою силу"¹⁷.

Но даже открытая демонстрация ярости фаворита не остановила Волынского: интрига против Головина продолжалась, но приобрела иное на-

стр. 32

правление. Она едва не привела к прекращению Второй Камчатской ("Великой Северной") экспедиции Беринга 1732 - 1743 годов.

К этому времени (еще к лету 1737 г.) по первоначальным правительственным планам экспедиция должна была завершиться, но ни программа работ ее "северных" "лейтенантских" отрядов, исследовавших и картографировавших побережье

Северного Ледовитого океана, ни программа "тихоокеанских" отрядов самого Беринга и Шпанберга не были выполнены. Дорогостоящая экспедиция, обошедшая казне к декабрю 1738 г. более, чем в 318 тыс. рублей¹⁸, на которые можно было построить почти три линейных 66-пушечных корабля, ложилась тяжким бременем на население Сибири, особенно - на малонаселенную Якутию, где разворачивался ее финальный этап.

Обострились конфликты экспедиционного руководства с местной администрацией. В 1737 г. командир Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев (ссылный по "делу Толстого и Девиера" бывший обер-прокурор Сената и первый строитель Ладожского канала), в дела которого с подготовкой тихоокеанских отрядов руководство экспедиции вмешивалось все более грубо, направил в Сибирский приказ донесение с крайне негативной характеристикой работ экспедиции¹⁹.

Рапорты Скорнякова-Писарева (рассмотренные Сибирским приказом и направленные в июле 1738 г. в Сенат) послужили в конце лета 1738 г. почвой для очередной атаки на патронировавшего экспедицию²⁰ адмирала Головина.

После открытого столкновения Волынского с Бироном, 19 августа 1738 г. Кабинет министров на основании донесений Скорнякова-Писарева поставил перед Адмиралтейской коллегией и Сенатом вопрос о целесообразности продолжения Второй Камчатской экспедиции²¹.

Первая "антибироновская" интрига не была свернута и продолжалась до конца 1738 г. - вплоть до этого времени (то есть в течение целого года) Бирону не удавалось получить положительного решения по первому шемберговскому проекту приватизации казенных заводов, а Адмиралтейской коллегии удалось настоять на продолжении работ Второй Камчатской экспедиции только после доклада, поданного в Сенат 20 декабря 1738 года²².

Ход этой интриги с самого ее начала свидетельствует о достаточно активной роли в ней Волынского и тем самым заставляет сомневаться в его "черной неблагодарности" и обязанности его своей карьерой "исключительно" Бирону. Ранние стадии карьеры Волынского протекали в конюшенном ведомстве под руководством не менее влиятельного, чем Бирон умершего в 1735 г. К. Г. Левенвольде²³. Последний был порой весьма откровенен с будущим кабинет-министром, ибо неоднократно высказывался при нем о негативных сторонах характера Остермана и даже сообщал Волынскому об остермановских попытках настроить и сплотить "немецкую" придворную группировку против русских вельмож ("...оной граф Остерман говаривал им (Ягужинскому и Левенвольде. - *Н. П.*), что многие русские люди иностранцев не любят...")²⁴. Возможно, первые шаги в приближении к особе императрицы Волынский сделал уже тогда. Кроме того, с 1736 г. он был обер-егермейстером, отвечавшим за организацию охот, входивших в число любимых забав императрицы (что обеспечивало устойчивый личный контакт с ней), и его возвышение могло объясняться личными симпатиями Анны Иоанновны в сочетании с определенной поддержкой близких к императрице русских вельмож, которые явно или неявно поддерживали Волынского и в дальнейшем.

Именно это может объяснить тот факт, что первый год "министерства" Волынского прошел практически в открытом конфликте с Бироном. Обострению этого конфликта

способствовал и Остерман, явно участвовавший (как очевидно, и обычно недооцениваемый А. М. Черкасский) в "антибироновской" интриге (без чего вряд ли были бы возможны негативные для Бирона "мнения" Кабинета министров), но выдвигавший на острие ее Волынского, делавшего "нежелательные" доклады императрице²⁵, и, отводя удар от себя, закулисно информировавший Бирона о главной инициативной роли в ней Волынского. Это, наряду с деловым соперничеством в Кабинете, несом-

стр. 33

ненно накаляло отношения Волынского с Остерманом и готовило открытый конфликт с ним, проявившийся летом 1739 года. Конфликт потихоньку подогревался (как видим, отнюдь не "всесильным") Бироном, не сумевшим в тот момент (летом 1738 г.) серьезно поколебать положение Волынского: "...а Волынскому хотя тогда и ничего видимого худова и не последовало, однако герцог Бирон такое злобное семя посеял, которое на такую плодovitую землю пало, что чрез два года цвело, зрело, а потом такой ему плод произрастало, что Волынскому и смерть причинило"²⁶.

Но Бирон по-прежнему пользовался определяющим влиянием на императрицу и доказал это в начале второго этапа дворцовых интриг.

Уже к концу 1738 г. он восстановил позиции адмирала Головина, что, в частности, способствовало и декабрьскому решению о продолжении работ Второй Камчатской экспедиции. Однако еще больших успехов фаворит добился в начале 1739 года.

В феврале 1739 г., когда императрица и все правительственные органы были заняты стратегическими планами очередной военной кампании и подготовкой к ней, он добился роспуска неугодной ему комиссии о заводах. После этого, 3 марта 1739 г., Бирон наконец-то реализовал шемберговский план приватизации лапландских и гороблагодатских заводов. Изданный в тот же день доработанный в Генерал-Берг-Директориуме Берг-регламент 3 марта 1739 г. либерализовал горнопромышленное законодательство в выгодном для Шемберга и Бирона и потенциальных иностранных владельцев смысле, позволив им в ближайшем будущем поставить вопрос о монопольной приватизации всей казенной металлургии. Почти тотчас же, в течение марта 1739 г., был разорван только что заключенный с английскими купцами Шифнером и Вульфом длительный контракт на продажу казенного железа, наконец-то завершивший своего рода "кризис сбыта" второй половины 1737-1738 гг., и сбыт казенного железа был передан фактически на тех же условиях Шембергу. Таким образом, годичная борьба вокруг "первого проекта Шемберга" о приватизации металлургических заводов наконец-то завершилась победой Бирона.

Однако этот поворот "приватизационной интриги" тут же негативно отразился на двух других заметных направлениях внутривластного курса Анны Иоанновны: 1) на судьбе "татищевской" программы развития государственной металлургии Урала, реализовывавшейся в 1734 - 1740 гг.; 2) на ходе и итогах второго значимого (после Второй Камчатской экспедиции) "окраинного проекта" аннинского времени -

Оренбургской экспедиции 1733- 1740-х годов.

3 марта 1739 г. - в день подписания Берг-регламента и указов о приватизации императрице было подано подписанное Татищевым донесение от 26 февраля 1739 г., указывающее на высокую прибыльность казенных заводов²⁷. Оно было направлено против "коррупционной" приватизации, противником которой с самого начала выступал Татищев²⁸. В итоге 6 марта 1739 г. приехавший в столицу Татищев был отстранен от горного дела (чего уже 4 марта фактически потребовал Шемберг)²⁹, а еще через несколько дней по прямому распоряжению Бирона³⁰ был отдан под следствие. Кроме того, отставляется по инициированному над ним в Адмиралтейской коллегии следственному делу приехавший с рапортами о горных делах непосредственно руководивший уральской металлургией сотрудник Татищева А. Ф. Хрущов³¹, и казенная уральская металлургическая промышленность фактически лишается двух своих самых способных руководителей, что не могло не сказаться на реализации уже вступавшей в заключительную фазу "татищевской" программы ее развития, темпы которого явно замедлились.

Но еще существеннее отстранение Татищева сказалось на судьбе Оренбургской экспедиции. Фактически срывается намеченный на 1739 г. второй "оренбургский поход" Татищева, направленный на реализацию "среднеазиатских планов" экспедиции, которые могли бы закончиться формальным принятием в подданство и значительной части казахов Старшего Жуза во

стр. 34

главе с ханом Жолбарысом (убитым в том же году); экспедиция более чем на полгода лишается руководства, что дезорганизует ее работу и управление подконтрольным ей регионом. Все это (как и само отсутствие Татищева, отличавшегося "миротворческими" настроениями и умением идти на компромиссы с местной верхушкой)³² оказало дестабилизирующее влияние и на обстановку в Башкирии, где в следующем году вспыхнуло восстание Карасакала - ожесточенный и кровавый финал башкирского восстания 1735 - 1740 годов.

Однако бироновская победа в дворцовой интриге весной 1739 г. оказалась далеко не полной. Бирон одновременно потерпел ощутимое поражение в своих династических проектах. Он, очевидно, уже с осени 1738 г. вынашивал планы брака своего сына Петра с Анной Леопольдовной.

Английский посланник отмечал, что возвратившийся в конце октября 1738 г. из турецкой кампании принц Антон-Ульрих отдаляется от принцессы и роль ее кавалера часто исполняет Петр, а в сообщении от 13 января 1739 г. с уверенностью говорил о существовавшем у Бирона плане брака сына с принцессой³³. То же позднее показывал на следствии и сам Волынский, слышавший о сватовстве герцога через Лестока и Елизавету Петровну от самой Анны Леопольдовны. Императрица представила последней обоих кандидатов, из которых принцесса все-таки выбрала не особенно нравившегося ей Антона-Ульриха ("...изволила отрешиться от принца

Петра, что он еще не в совершенных летах")³⁴.

Окончательное решение, скорее всего, было принято в финале "приватизационной" интриги (весной 1739 г.) - уже в марте императрица и принцесса склонились к "брауншвейгскому" варианту. 12 мая английский посланник сообщил о браке с Антоном-Ульрихом как о решенном деле³⁵, а 1 июля 1739 г. состоялось и само бракосочетание³⁶.

Перспектива женитьбы сына Бирона на Анне Леопольдовне была неприятна русским вельможам (это откровенно обсуждали Волынский и Черкасский). Но они вряд ли сумели оказать решительное противодействие этому браку, а Черкасский считал возможным его разрушителем Остермана³⁷, что, позднее, фактически подтверждал и сам Бирон³⁸. Это, очевидно, не могло не ухудшить отношения между Остерманом и Бироном, в силу этого явно "разогревавшим" отчетливо обозначившийся конфликт Остермана и Волынского, периодически поддерживая последнего.

Таким образом, на этом этапе дворцовая интрига приобрела крайне сложный и запутанный характер, и вряд ли может быть сведена к любовному противостоянию "русской" и "немецкой" придворных группировок. Скорее, различные фигуры и партии в окружении императрицы боролись за влияние на нее и укрепление личных и групповых позиций. Столкновение интересов могло порождать самые противоречивые комбинации: Волынский мог на ряде этапов (до конца марта) блокироваться с Остерманом, не выступая открыто и явно против Бирона (хотя снова начинаются атаки на Головина, и после донесения Штатс-конторы от 14 марта 1739 г. активизируется ход общей финансовой ревизии Адмиралтейской коллегии, что позволяет к 9 июня 1739 г. получить общую картину затрат на флот в его президентство)³⁹, а в конце весны - периодически атаковать Остермана, пользуясь явной или неявной поддержкой Бирона, лавировавшего между двумя фигурами и обострявшего выгодный ему конфликт между кабинет-министрами, который приближался к своему пику.

Конфликт достиг кульминации на третьем, финальном, этапе дворцовой интриги (лето 1739 - весна 1740 г.), в начале которого этот сложный клубок противоречий запутался еще более.

В середине июня 1739 г. Остерман сделал попытку устранить с поста сенатского обер-прокурора "конфидента" Волынского Соймонова, назначив его руководителем Оренбургской экспедиции вместо отстраненного 27 мая 1739 г. Татищева, но проиграл: Волынский в личной беседе с императрицей не только отстоял Соймонова (который был не прочь удалиться из станова-

щегося все более опасным эпицентра интриг), но и добился назначения руководителем экспедиции 17 июня 1739 г. своего "свойственника" В. А. Урусова, повысив его в чине до генерал-лейтенанта и удалив из-под команды "неприятеля" Головина⁴⁰. Но тем же летом 1739 г. Остерман организовал новую атаку через врага

Волынского обер-шталмейстера А. Б. Куракина, инициировавшего через служителей конюшенного ведомства подачу жалоб о злоупотреблениях Волынского по управлению конскими заводами.

Ответом на нее и стала "петергофская" записка Волынского с оправданиями и с приложенными в конце "примечаниями" о "притворстве и вымыслах, употребляемых при монаршеских дворах"⁴¹, прямо направленными против Остермана. Подача записки отнюдь не была опрометчивым шагом со стороны Волынского: он читал ее не только кн. Черкасскому, но и (прежде всего) лицам из "немецкого" окружения - Шембергу, Эйхлеру, барону Менгдену, и, в конце концов, представил ее в немецком переводе самому Бирону⁴², сохранившему текст до самого начала "дела Волынского"⁴³. Только после того, как записка не вызвала негативной реакции большинства этих лиц, Волынский решился подать ее Анне Иоанновне. Он, очевидно, учитывал не только личное расположение императрицы, но и сложившуюся при дворе обстановку, рассчитывая сыграть на противоречиях между Остерманом и Бироном. Бирон, в свою очередь, мог, вероятно, надеяться не только лишний раз "ущемить" Остермана, но и ожидать падения влияния Волынского в борьбе с Остерманом или же в случае негативной реакции императрицы на записку.

В тот момент Остермана атаковал и сам Бирон: вероятно, не без его участия появились письма-выговоры императрицы кабинет-министрам от 21 июля и 2 августа 1739 г. с требованием оправдаться в неудачных результатах торговли казенными товарами, главной мишенью которых был Остерман, традиционно курировавший вопросы торговли. В законченной не ранее начала августа оправдательной записке (черновики ее заняли более трехсот листов архивного дела) Остерман не смог скрыть своего раздражения Волынским⁴⁴, возможно, усиленного дошедшей до него информацией о содержании направленного против него письма.

Обострение "министерской склоки" было выгодно Бирону, начавшему второй виток "приватизационной аферы" - теперь уже по монопольной приватизации государственной металлургической промышленности: именно в эти дни, 9 августа 1739 г., английский купец Герман Мейер, за которым снова стоял Бирон, подал в Генерал-Берг-директориум прошение о передаче ему всех еще остающихся в собственности казны сибирских металлургических заводов "в вечное владение по описи и по оценке с платежом впредь в 10 лет"⁴⁵. Однако даже в этих условиях Бирону снова не удалось одержать легкой победы - решение по "второму приватизационному проекту" затягивалось и откладывалось до конца 1739 года.

Конечный результат интриги оказался нежелателен для Бирона - подача "петергофской записки" не только не привела к падению влияния Волынского (хотя и обострила его конфликт с Остерманом) - наоборот, его позиции при дворе с осени 1739 г. даже усилились.

Именно осень 1739 - зима 1740 г. стали периодом роста влияния Волынского, что отразилось и в растущем его воздействии на внутривластный курс.

Оно стало заметным уже в сентябре-октябре 1739 г.: 1) Волынский удалил из Кабинета министров неугодного ему кабинет-секретаря Андрея Яковлева⁴⁶, а в указе 21 сентября 1739 г., оформляющем эту акцию, был поставлен вопрос о реорганизации Кабинета (разделении его на экспедиции)⁴⁷; 2) в октябре 1739 г. было

изменено руководство Адмиралтейской коллегии и на пост контролировавшего флотские финансы и интендантство флотского генерал-кригс-комиссара был назначен союзник Волынского Соимонов, после чего снова усилилось давление на Головина и возобновилась интрига, едва не повлиявшая на ход Второй Камчатской экспедиции; 3) в том же октябре

стр. 36

1739 г. начался новый виток борьбы вокруг приватизации уральских заводов, ознаменовавшийся вступлением в нее русских промышленников, что резко затормозило реализацию "монопольного" проекта Г. Мейера и нанесло новый удар по интересам Бирона; 4) в октябре 1739 г. был утвержден проект Волынского по расширению сети казенных конских заводов для обеспечения армии лошадьми (что нельзя расценивать исключительно как желание угодить Бирону, ибо эта проблема еще с петровских времен (а Волынский в Прутском походе 1711 г., с которого началась его карьера, был драгунским ротмистром) была исключительно актуальна для русской кавалерии); 5) Волынский примерно в то же время начал сближаться с "молодым" "брауншвейгским двором", что явно не нравилось Бирону.

К этому времени окончательно оформился и круг "конфидентов" Волынского - вхождение в него полуопального и не очень удобного Бирону Хрущова тоже свидетельствует об определенной независимости и влиятельности Волынского, не боявшегося приближать к себе неугодных лиц. Открытым остается вопрос и о близости к кружку Волынского бывшего начальника Хрущова такого же "опального" Татищева, для которого образованный Хрущов был коллегой не только по руководству уральской промышленностью, но и по историко-лингвистическим разысканиям. Хотя Татищев и не участвовал в составлении "проекта" Волынского, но в период своего вынужденного пребывания под следствием в Петербурге в 1739 г. явно имел тесные контакты с "прилежно трудившимися ... о истории русской" Волынским, "советником Хрущовым и архитектором Еропкиным", "...которые, читая мое собрание, из древних русских летописцев мне к дополнению сообщали..."⁴⁸. Более того - и в конце 1739 г. Татищев снова активно участвовал в "антиприватизационной интриге", направленной против Бирона, хотя здесь он мог действовать и через близкого к нему еще по событиям 1730 г. Черкасского.

Влияние А. П. Волынского продолжало укрепляться и в последующие месяцы - в ноябре-декабре 1739 года. Результат не замедлил сказаться как в истории знаменитого "Генерального проекта" Волынского, так и в конкретных внутривластных акциях последующего периода.

Вряд ли стоит устанавливать непосредственную связь "проекта" с набросками несколько отвлеченных записок по политическим и этическим вопросам.

Проект, над которым работал Волынский и его "конфиденты" в конце 1739 - начале 1740 г., скорее всего, имеет иные истоки. Не исключено, что толчком для него послужил отданный императрицей "около Рождества 1739 г." "...особливый приказ для сочиненья некоторого проекта, дабы ученье в России распространить и завести академии для обучения священников и секретарей"⁴⁹, известный по показаниям

Еропкина. Вероятно, побудительным мотивом для этого распоряжения послужило намерение достроить до конца систему духовного образования в России, где в 1737 - 1739 гг. под влиянием процедуры военного "разбора" духовенства началось развертывание системы духовных семинарий, создававшихся во всех епархиях⁵⁰.

Работа над этой частной запиской могла подтолкнуть Волынского и к осмыслению более общих проблем внутренней политики. Закончившаяся русско-турецкая война завершила период "экстраординарной" военной политики и поставила вопрос об основах "мирного" внутривнутриполитического курса страны, потребовав формулировки "послевоенной" внутривнутриполитической программы.

Волынский, претендовавший к этому времени на роль лидера в правительстве, ранее других уловил эту потребность, что и привело к появлению его знаменитого "проекта".

Исследователи отмечали, что еще до начала работы над "Генеральным проектом" Волынский уже набрасывал записку-трактат о важнейших государственных проблемах, но позднее уничтожил ее⁵¹. Теперь, накануне празднования мира в русско-турецкой войне, назрела потребность в их новом осмыслении и в формулировке конкретных черт "мирной" внутривнутриполити-

стр. 37

ческой программы. Вероятно, Волынский делился подобными мыслями с императрицей и получил ее одобрение (так как все участники дела показывали, что Волынский говорил об этом)⁵².

Скорее всего, именно это и послужило отправной точкой для составления приблизительно с конца декабря 1739 г. новой обширной и вполне легальной записки Волынского, известной в историографии под достаточно условным названием "Генерального рассуждения (или проекта) о поправлении внутренних государственных дел".

О легальном характере проекта говорят и сами обстоятельства его составления.

Работа над ним шла практически открыто, к оформлению и редакции его отдельных частей привлекались государственные чиновники различных рангов: от капитана флота и руководителя уральской металлургии Хрущова, архитектора П. М. Еропкина, секретаря иностранной коллегии дела Суды, работавшего у Волынского над черновиками проекта неделю после нового 1740 г. с позволения своего начальника Бреверна⁵³, бывшего обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонова до секретарей Военной коллегии П. Ижорина⁵⁴ и Демидова, фактически подготовивших текст записки по военным вопросам. В нем использовалась документация государственных учреждений; черновые редакции различных частей проекта читались и обсуждались (помимо указанных лиц, личного секретаря императрицы Эйхлера, и президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина) сенаторами А. Л. Нарышкиным и В. Я. Новосильцевым, а также Я. П. Шаховским⁵⁵. Волынский

сообщал о "военной части" проекта и ее содержании Черкасскому, главе Тайной канцелярии А. И. Ушакову и даже будущему елизаветинскому фельдмаршалу (а тогда генерал-майору) С. Ф. Апраксину⁵⁶.

Возможно, вначале речь шла вообще о ряде отдельных записок (во всяком случае, записка о вооруженных силах готовилась отдельно как достаточно самостоятельное целое⁵⁷; кроме того, как отметил Ю. В. Готье, "...части, из которых составилась проект..., писались и переписывались отдельно, что ясно видно из показаний канцеляристов Самарцева и Внукова..."), но затем Волынский попытался свести все эти части в единую систему, оформленную в виде одного документа "наподобие книги". Хрущов (в основном и занимавшийся систематизацией текста "проекта" и подбором "пункта к пункту") "поправления и дополнения чинил ... 3 месяца"⁵⁸, то есть примерно с января 1740 г., что подтверждает датировку начала работы над "проектом" примерно декабрём 1739 года⁵⁹. "Флотскую" его часть фактически писал Соймонов⁶⁰.

Вероятно, "книга" предназначалась к подаче императрице после завершения празднеств по случаю мира и начала перехода к "мирному курсу" в развитии страны (она даже формально начиналась "Приношением Ее Величеству", "...к тому же и пишет он по повелению Ее Императорского Величества")⁶¹.

Таким образом, "генеральный проект Волынского" был на деле плодом коллективного труда группы представителей среднего российского чиновничества, оформлявшего в конкретные предложения основные мысли кабинет-министра и порой существенно корректировавшего их. При этом к моменту ареста Волынского работа была далеко еще не закончена⁶². Но, как известно, тексты "проекта" до сих пор не обнаружены (их не оказалось в самом деле, по сведениям из которого "проект и к тому некоторые непристойные оного Волынского рассуждения" были собраны Ушаковым и И. И. Неплюевым в один пакет и запечатаны)⁶³. Однако примерное его содержание вполне добротнo реконструировано Готье по показаниям на следствии участников "дела Волынского"⁶⁴.

"Генеральный проект" распался на шесть частей, охватывающих в совокупности почти все основные сферы внутренней политики - от сословной политики и организации центрального государственного управления до изменений в составе и структуре вооруженных сил и вопросов развития торговли⁶⁵.

Программа эта была явно рассчитана на привлечение симпатий шляхетства и укрепление его позиций в государственной и общественной системах. Проект предусматривал перераспределение властных функций между Кабинетом и Сенатом в пользу последнего. Признавая малую эффективность работы Кабинета ("наташили мы на себя много дел и не надлежащих нам, а что делать и сами не знаем" и "тем у других к службе государевой рвение пресекаем и отняли"), Волынский планировал, во-первых, реорганизацию Кабинета с разделением его на две экспедиции с особыми секретарями (то есть фактически шел по опробованному на Сенате в первой половине 1930-х годов пути его департаментской реформы и предложенной уже в

сентябре 1739 г. реформы Кабинета). Во-вторых, он предусматривал "умножение" Сената членами, "понеже кабинет-министры о умножении Сената не радят и не желают"⁶⁶.

К Сенату, видимо, должна была перейти часть функций Кабинета; кроме того, предусматривался контроль выросшего численно Сената за местной администрацией (ежегодные инспекционные поездки сенаторов по губерниям - своего рода "сенаторские ревизии"). Должность генерал-прокурора ликвидировалась ("...понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешание чинить..."⁶⁷), однако при этом сохранялась должность куда менее влиятельного сенатского обер-прокурора, контролирующего порядок и законность в работе Сената. Вряд ли Волынский при этом руководствовался только борьбой за личную власть - усиление Сената объективно ослабляло позиции кабинет-министра.

Никаких более подробных сведений об организации работы Кабинета и Сената, а также предполагаемых численности, составе и компетенции обоих органов не сохранилось. Но фактически проект Волынского в его общих чертах делал шаг к той административной схеме, которая сложилась в 1730 г. в результате реформы Сената под влиянием дворянских проектов и отвечала дворянским интересам.

Им же, вероятно, отвечала и не вполне ясная из проекта система образования шляхетства, предполагавшая в том числе и "посылать шляхетство знатное в чужие края обучаться, чтобы свои природные министры со временем были". Проект Волынского предусматривал "дворянизацию" и всей административной системы ("чтоб в оный (т.е. "приказной чин") ввести шляхетство ..., и чтоб везде ввести дворянство")⁶⁸, а также, вероятно, сословную консолидацию и ограничение шляхетства от других сословий.

Последнее предполагало, как и в Европе, официальный учет степени родovitости ("чтоб всех фамилий исправить родословные... (и составить)... родословные всему российскому шляхетству по алфавиту"), а также внешнее оформление внутренней иерархии в рамках сословия ("шляхетству маломочному и канцелярским служителям поубоже платье носить, и чтоб деньги у них не так расходились")⁶⁹. В чем-то эти идеи Волынского были реализованы в период "дворянских реформ" Екатерины II.

Проект прямо защищал и экономические интересы шляхетства, выдвигая требование дворянской монополии на винокурение ("чтоб винным заводам у купцов не быть, а чтоб те винные заводы имелись у одного шляхетства")⁷⁰, еще в 1735 г. не выдвигавшееся Волынским⁷¹.

Правда, в проекте, вероятно, был и пункт, существенно ущемлявший интересы дворянства - "о содержании конюшенных заводов"⁷². Если судить по краткому изложению аналогичного проекта, отобранного у Волынского, он, вероятно, предусматривал обязательное учреждение дворянских конских заводов пропорционально количеству душ, "...чтоб в завод было со 100 душ по кобыле, и в зборе на всякой год было по лошади"⁷³. Однако в целом проект был продворянским.

Таким образом, проект А. П. Волынского отражал интересы шляхетства и частично выражал ряд выдвинутых последним еще в 1730 г. претензий на более широкое участие его в политической власти - правда, без "республиканских крайностей", ибо,

рамки самодержавной системы, лишь увеличивая в ней значение Сената. Вероятно, показание доверенного лица Волынского Василия Кубанца, данное во время одного из допросов ("замыслы его были такие, что он ласкал дворянство, чтоб ему чрез то в силу прийти"), недалеко от истины.

Волынский действительно стремился обеспечить себе поддержку дворянства. На это была ориентирована и "экскузация" - предисловие к читателям, под которыми Волынский видел прежде всего кабинет-министров и сенаторов. Он не только предлагал собственную внутривластную программу, не считая ее верхом совершенства, он приглашал к обсуждению выдвинутых им вопросов и других ("и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверх что к изъяснению и дополнению, прошу в том потрудиться, и я на резонабельное буду склонен и сердиться и досадовать на то не стану")⁷⁴.

Таким образом, подача им своего проекта могла бы способствовать новому широкому обсуждению важнейших внутривластных вопросов.

Однако, в отличие от шляхетских проектов 1730 г. проект Волынского уделял гораздо большее внимание положению духовенства. Он предусматривал обязательность его обучения ("чтоб не ученых в попы не поставлять") не только с намерением улучшить духовное воспитательное влияние церкви на население, но и с целью поднять социальный престиж духовного сословия.

На последнее были рассчитаны и другие меры - например, улучшение материального положения приходского духовенства ("чтоб им самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги"), а также намерение "...в священнический чин вводить шляхетство". Предложение "убогие монастыри все превратить в сиропитательные дома, а монастыри чтоб довольны были, также и монахи"⁷⁵ также свидетельствует о намерении отойти от антимонастырских тенденций "Духовного регламента" и улучшить материальное положение черного духовенства.

Волынский намеревался предпринять ряд шагов по реальной интеграции духовенства в "благородное сословие", приближающей его социальный статус к западноевропейским образцам - все это, вероятно, обеспечило бы ему хотя бы психологическую поддержку не только шляхетства, но и российского духовенства. Характерно, что Кубанец, по его собственным показаниям, читал (очевидно, с санкции Волынского) "нечто из проекта" вологодскому архиерею Амвросию⁷⁶. Планируемая Волынской политикой резко контрастировала с открытым ущемлением интересов православного духовенства в аннинское царствование (особенно ощутимым в военные годы) и могла обеспечить Волынскому массовую поддержку основных русских сословий.

Даже композиционно проект Волынского был построен в соответствии с основными

элементами сложившейся в России общественно-сословной структуры. Первые четыре части касались: армии; духовенства ("о церковных чинах"); шляхетства и купечества. И, таким образом, будучи ориентирован на публичную его огласку (по показаниям Соймонова, Волынский говорил, что "будет то свое сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было")⁷⁷, предполагал апелляцию к широким слоям общества. Проект, таким образом, выходил за рамки обычной бюрократической записки и был ориентирован на частичное удовлетворение запросов и интересов основных российских сословий.

На это же была ориентирована и экономическая программа Волынского, вырисовывающаяся из свидетельских показаний еще менее отчетливо.

Волынский, вполне в русле курса 1726 - 1732 гг., ставил задачу упорядочить бюджет, завершив, наконец, составление "окладной книги" прихода и расхода косвенных налогов)⁷⁸, сократить бюджетные расходы и с этой целью, как и правительство в 1730 - 1732 гг., планировал военную реформу, направленную на сокращение армии путем введения мирного штата с предполагаемой экономией 1,8 млн. рублей. Однако неизвестно, увязывалось ли это с сокращением подушной подати с крестьян. Но детали военной реформы неясны. Известно только, что Волынский предусматривал сохранение "драгунских и пехотных только 60 полков, а остальные раскасовать"⁷⁹ - но

стр. 40

непонятно, касалось ли это только полевой армии, или вообще всех вооруженных сил, в зависимости от чего оценка "военной части" проекта Волынского может варьироваться в очень широком диапазоне - от авантюризма до умеренного реализма планов Волынского.

"Флотская часть" военного проекта, готовившаяся Соймоновым, судя по упоминаниям о ней ("о неокончании о адмиралтействе комиссии и о фабриках и о заводах и о сделании в Петербурхе вновь малого доку")⁸⁰, предусматривала завершение плана работ неоконченной Воинской морской комиссии 1732 - 1738 гг., и какие-то мероприятия по развитию промышленной и технической базы флота. Однако она вряд ли намечала сколь-нибудь существенную реформу военно-морских сил. Подобная реформа с точки зрения Соймонова, позитивно оценивавшего деятельность Воинской морской комиссии, очевидно, просто не была нужна.

Не отличались особенной серьезностью и глубиной и экономические предложения А. П. Волынского.

Они, скорее всего, сводились к общим декларациям о необходимости развития торговли и улучшения положения купечества. Немногие известные конкретные меры предусматривали: запрещение организовывать совместные торговые компании с иностранцами (вероятно, чтобы закрыть внутренний рынок России от проникновения на него крупных иностранных торговцев под прикрытием фиктивных совместных торговых акционерных обществ) и восстановление напрасно упраздненного ранее

магистрата. Шестая часть проекта ("Об экономии") предполагала также наведение порядка в таможенных сборах и, в частности, борьбу с намеренным занижением официально декларируемых цен на ввозимые в Россию товары. Они должны были конфисковываться в казну с уплатой владельцу заниженной стоимости из особого фонда (и, вероятно, последующей продажей их казной). Неизвестно, поднимались ли вообще вопросы денежного обращения, а из обсуждавшихся ранее в Сенате и Кабинете экономических вопросов ставился только один - о ликвидации мелких уездных кабаков⁸¹.

Пятая часть ("О правосудии") предполагала, кроме введения "в гражданские чины шляхетства ученых людей", увеличение сроков пребывания в должности воевод⁸².

Не исключено, что мы имеем далеко не полные сведения о содержании экономической программы Волынского, но, очевидно, она все же была достаточно поверхностна и уступала (хотя и исходила во многом из их идей) соответствующим разделам внутривластного курса 1730 - 1732 годов.

Социальная часть проекта, рассчитанная на завоевание симпатий дворянства, духовенства и даже купечества, в большей степени отвечала духу этого курса, и в чем-то, например, в предложениях, касающихся духовенства, даже углубляла тенденции, намеченные в начале 1730-х годов. При широкой огласке все это могло укрепить общественные позиции и влияние Волынского в кругах дворянской гражданской и военной бюрократии. Но Волынский делал и конкретные практические шаги в этом направлении, частично реализовавшие идеи и "общий дух" проекта.

Торжества по случаю заключения мира сопровождались явным усилением элементов "прошляхетского" курса во внутренней политике. 14 февраля 1740 г., одновременно с манифестом об окончании войны, был подтвержден манифест 31 декабря 1736 г. об отставке шляхетства из службы и объявлено о вступлении его в силу; была декларирована отмена возврата переплаченного жалования гражданским чиновникам, частичная амнистия за должностные преступления и заявлено о намерении простить часть штрафов по недоимкам⁸³.

Все эти меры были приняты по неподписанному докладу одного из кабинет-министров, известному лишь в писарской белой копии⁸⁴. Это не позволяет с полной уверенностью определить его автора, однако стиль и лексика доклада, нехарактерные для Остермана, заставляют склоняться к предположению об авторстве Волынского.

3 марта 1740 г. появился почти не замеченный в историографии указ императрицы о назначении сразу шести новых членов в Сенат: генерал-лейтенантов М. И. Леонтьева и М. С. Хрушова; генерал-майоров: И. И. Бахметева, П. М. Шилова, Н. И. Румянцева и М. И. Философова⁸⁵. Это было первое с 1730 г. в аннинское царствование столь значительное расширение состава Сената⁸⁶, также явно отвечавшее интересам

"генералитета и шляхетства", вполне соответствовавшее идеям проекта Волынского и, очевидно, предпринятое по его инициативе - во всяком случае, отнюдь не "с подачи" Остермана, откровенную неприязнь которого к Сенату формулировал в беседах с Волынским Черкасский: "Остерману ... противно, что Сенат есть, хотелось бы ему, чтоб Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты для совещания; Остерман боится, что Сенат усилится, если в нем будет много членов"⁸⁷.

Но активная роль Волынского в появлении столь важных правительственных актов и, возможно, в персональных назначениях свидетельствует о его достаточно сильных позициях во власти и о весьма значительном личном влиянии на императрицу.

При праздновании заключения мира Волынский получил очень значительную сумму в 20000 рублей - вторую по величине денежную награду после Бирона, был благосклонно принят как устроитель маскарада с "Ледяным домом", занимался, с ведома императрицы, подготовкой проекта "о поправлении государственных дел", и даже ссора с битьем В. К. Третьяковского 14 февраля 1740 г. в доме Бирона не имела для него немедленных последствий (жалоба Бирона была подана почти два месяца спустя). Еще в январе-феврале 1740 г. появился неутвержденный, но одобренный императрицей кабинетский доклад, исходящий из сделанных после личных бесед с Анной Иоанновной предложений Татищева о передаче казенных заводов в отдельные компании, рушивший проект монопольной их приватизации Г. Мейером. 11 марта 1740 г. далеко не в пользу Головина был решен вопрос о списании долгов общегосударственной кассы флоту, в пику ему в том же марте 1740 г. Волынскому и Соймонову удалось добиться указа о смене руководства Второй Камчатской экспедиции - замене В. Беринга М. Шпанбергом, отказе от дальнейших трудоемких работ "северных" отрядов, а также потребовать от Беринга подробного отчета о предыдущих экспедиционных работах⁸⁸ (только опала Волынского остановила его реализацию). Волынский перешел и в прямую атаку на Бирона. В конце марта 1740 г. он выступил против слишком щедрого возмещения польским землевладельцам за ущерб, нанесенный кампаниями 1738 - 1739 гг., а на вопрос о причинах не поколебался заявить, что он противник обеспечения таким образом интересов Бирона в сохранении и укреплении им за собой Курляндского герцогства⁸⁹.

Эти успехи в новом витке дворцовой интриги были вряд ли достижимы без явной или неявной поддержки русских вельмож из бюрократической верхушки России. Речь вряд ли может идти о "заговоре", но даже итоги ноябрьского процесса Долгоруких 1739 г., впервые с петровского времени закончившегося не опалой, тюрьмой и ссылкой, а казнью представителей знатного аристократического рода, и снова напомнившего о событиях, связанных с ограничением самодержавия в 1730 г. (подлинных инициаторов которого императрица снова пыталась выяснить в ходе этого нового дела), могли заставить многих представителей знати, участвовавших в шляхетском движении, подспудно содействовать Волынскому. Фельдмаршал Б. Х. Миних считал, что целью интриги было "удалить Бирона от двора", а разделявший это мнение Х. Г. Манштейн отмечал даже предшествующую ей "некоторую холодность между императрицей и ее любимцем"⁹⁰.

Опасность заставила сплотиться "немецкую" придворную группировку. На это могла повлиять и обстановка в стране. Хотя Курукин не обнаружил в делах Тайной канцелярии никаких следов раздражения иностранцами и "патриотического" протеста⁹¹, французский посол маркиз Шетарди все же отмечал 23 февраля 1740 г. явные

ходят, что Россия недостаточно много выиграла в последнюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключенного ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости..."⁹². Дворянство не могла удовлетворять закончившаяся почти безрезультатно и стоившая огромных людских потерь (если учитывать ее короткий срок - куда более значительных, чем петровская Северная) русско-турецкая война 1735 - 1739 годов. Если за 53 "петровских" набора с 1699 по 1725 г. было взято в рекруты 284,2 тыс. человек, то всего за 8 наборов "аннинского" десятилетия - 276,5 тысяч. Таков был основной итог ""порядочного управления" бироновщины"⁹³. Не всегда приглядные детали войны становились все более очевидными по мере того, как в окрестности столицы в связи с угрозой конфликта со Швецией перебрасывались полевые полки с прошедшим войну офицерством. Общим фоном для роста недовольства могла стать и чрезвычайно суровая зима 1739/1740 гг., усугубившая обостренные войной проблемы сельскохозяйственной экономики России. Разворачивающиеся в этих условиях события, после идеологических и практических "прошляхетских" шагов Волынского, грозили выйти за рамки обычной дворцовой интриги. Поэтому объединившиеся Остерман и Бирон в разгар пасхальных торжеств в начале апреля 1740 г. нанесли решительный удар по противнику, вылившийся в конце концов в "дело Волынского".

Но даже фавориту оказалось не так легко получить санкцию императрицы на этот процесс. Миних утверждал, что "...сам был свидетелем, как императрица громко плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и другими"⁹⁴, а секретарь Волынского В. Гладков показал на следствии, что слышал от асессора Смирнова, как Бирон, стоя перед Анной Иоанновной на коленях, говорил: "Либо ему быть, либо мне"⁹⁵.

Сам процесс, начавшийся 12 апреля 1740 г. формальным обвинением Волынского во взяточничестве, распадается на два этапа.

Во время первого (13 - 20 апреля 1740 г.) Волынский оставался под домашним арестом, а дело ограничивалось следствием, веденным состоящей преимущественно из сенаторов широкой комиссией по жалобе Бирона, главным объектом которой была "петергофская записка" 1739 г., якобы умалявшая честь и достоинство государыни. Именно на этой стадии процесса потрясенный неожиданной переменой Волынский вел себя наименее мужественно, и именно в связи с опрометчивой "петергофской запиской" (а не с "проектом") досадовал на погубившие его надежды "на свое перо, что писать горазд"⁹⁶. Реакция Волынского вполне понятна: квалификация процесса как дела "о государственной чести и достоинстве" переводила его в разряд тяжких государственных преступлений, уже грозивших подследственному гибели⁹⁷. Возможно создается ощущение, что на этой стадии организаторы процесса хотели прежде всего дискредитировать Волынского в глазах императрицы. Из показаний "доверенного человека" Волынского В. Кубанца выяснилось, что кабинет-министр выступал против династических планов Бирона и критиковал

самого герцога, но самое главное - позволял себе при чтении жизнеописаний Клеопатры и Мессалины у Юста Липсия неосторожные и иронические замечания в адрес правящего женского пола⁹⁸. Сыграв на оскорбленном женском самолюбии Анны Иоанновны, организаторы вызвали перелом в ходе процесса и начали операцию по прямому уничтожению Волынского, тем более, что и само по себе произнесение "непристойных слов" переводило дело в компетенцию Тайной канцелярии и грозило по петровскому "Артикулу воинскому" смертной казнью⁹⁹.

Во время второго этапа процесса (22 - 23 апреля - 19 июня 1740 г.) Волынский был отправлен в Петропавловскую крепость, следствие было передано в Тайную канцелярию и поручено узкой группе лиц: близкому к Бирону А. И. Ушакову, а также "креатуре" Остермана И. И. Неплюеву, секретарем при которых был открытый враг Волынского А. Яковлев¹⁰⁰. Только тогда

стр. 43

были арестованы основные (кроме А. Ф. Хруцова, арестованного раньше) "конфиденты" Волынского. Еропкин был допрошен 28, Соймонов арестован 30 апреля, Суда - 27 мая, Мусин-Пушкин - 31 мая 1740 года¹⁰¹.

Именно на этой стадии в отобранном у Волынского 23 апреля "Генеральном проекте" и в его отдельных неосторожных фразах начали искать доказательства государственного заговора. Но немногие и весьма шаткие свидетельства в его пользу были найдены даже не в конкретных словах Волынского, когда-то оброненных в беседах с "конфидентами", а в предположениях Кубанца, что его хозяин намеревался разгласить свои проекты и рассуждения в народе и "сделать свою партию", лаская офицеров гвардии. К середине мая версию о стремлении Волынского к верховной власти на уровне таких же предположений подтвердили Соймонов и Еропкин¹⁰². Это, а также резкие отзывы Волынского об императрице ("государыня у нас дура")¹⁰³, привели к тому, что 18 мая Анна Иоанновна отдала приказ пытать "конфидентов", а 21 мая - и самого Волынского, однако и пытки не дали никаких реальных доказательств государственного заговора: следствие даже несколько запуталось во взаимоисключающих обвинениях в попытке Волынского сделать себя "государем" и в стремлении его же к "республике"¹⁰⁴. В результате доказательства принялись искать в самом тексте "проекта", но и там дающих для этого основания мест оказалось немного.

Основное внимание было обращено на две части проекта. Во-первых, на предисловие к читателям, дававшее самые минимальные поводы для истолкования его почти как манифеста с обращением к "мятежному" шляхетству. И хотя Волынский упорно утверждал, что проект не имел иных адресатов, кроме государыни, кабинет-министров и сенаторов, в "экскузации" столь же упорно видели доказательства скрытых "республиканских" намерений и настроений Волынского. Императрицу пытались пугать призраком шляхетского движения, аналогичного движению 1730 г., воспоминания о котором были оживлены законченным лишь полгода назад "делом Долгоруких".

Во-вторых, на историческую часть, дававшую некоторый повод для столь же

натянутых обвинений в намерении Волынского сделаться государем. Доказательства видели в декларации Волынским своего весьма отдаленного родства по женской линии с княжившими в XIV в. московскими Рюриковичами. Следователи не обращали внимания на то, что десятки фамилий находились в куда более близком родстве с теми же Рюриковичами или современными Романовыми и гордились им не менее, чем ржавой саблей, найденной на Куликовом поле, - что, однако, не служило юридическим основанием для обвинений их в притязаниях на царскую власть. Обвинение при этом не приводило конкретных фрагментов самого текста проекта Волынского¹⁰⁵.

Похоже, что в какой-то момент обвинители сами поверили в версию "заговора" или же среагировали на какие-то признаки брожения в шляхетской среде - во всяком случае, в разгар "дела Волынского" 23 апреля 1740 г. был издан указ о срочной выплате денег из Монетной канцелярии на Конногвардейский и Измайловский гвардейские полки¹⁰⁶; 25 и 26 апреля 1740 г. появились указы о незаписывании впредь без доклада императрице на вакантные места в Преображенский и Семеновский полки, продиктованные попыткой усилить контроль за составом гвардии; 26 апреля 1740 г. был отменен штрафной двойной платеж недоимки, введенный во время войны; 26 апреля 1740 г. резолюцией императрицы на докладе Военной коллегии был разъяснен и уточнен порядок отставки шляхетства от службы по силе манифеста 31 декабря 1736 г.¹⁰⁷; 29 апреля 1740 г. на расширенный всего два месяца назад Сенат была накинута надежная "узда" восстановлением должности генерал-прокурора, которым был назначен Н. Ю. Трубецкой¹⁰⁸.

Не исключено, что эти опасения отяготили участь Волынского, сыграв на руку его противникам, и банальная (хотя и опасная лично для них) дворцовая интрига с вполне легальными записками Волынского окончательно превратилась в мае 1740 г. в версии следствия в "государственный заговор". Волынский

стр. 44

и его "конфиденты", несмотря на отсутствие ясных доказательств их вины, 19 июня были осуждены Вышним судом из основных представителей русской шляхетской бюрократической верхушки (в числе которых были и доверенные слушатели "Генерального проекта") и 27 июня 1740 г. казнены¹⁰⁹.

Это была вторая за время царствования открытая массовая казнь представителей российского шляхетства, однако, основанная (в отличие от процесса Долгоруких 1739 г., виновных в сочинении подложной "духовной" Петра II) во многом на надуманных обвинениях. Главными ее виновниками были Остерман и Бирон.

Кровавый финал дворцовой интриги не мог не сказаться на внутренней политике. Он надолго отбил у представителей бюрократической верхушки России охоту к политическому "прожектерству", к самостоятельным попыткам сформулировать хотя бы отдельные звенья нового "мирного" внутривнутриполитического курса России, насущную необходимость которого, несмотря на недостатки "проекта", почувствовал

и пытался сформулировать Волинский.

Общий ход этой длительной и запутанной интриги, сопровождающейся периодически чувствительными поражениями Бирона, свидетельствует и еще об одном: фаворит отнюдь не всегда был "всесилен", а российское общество времен Анны Иоанновны было отнюдь не безгранично сервильно по отношению к нему, все-таки формируя в своих рядах (пусть и несколько аморфную) оппозицию.

Однако сама возможность такой оппозиции может объясняться еще одним важным фактором - определенной политической самостоятельностью и влиятельностью самой императрицы, которая могла представлять собой более серьезную политическую фигуру, чем традиционно принято считать. Дочь российского царя Иоанна Алексеевича, воспитанная при дворе и в семейном окружении Петра I в духе официальной идеологии и психологии его времени, Анна Иоанновна была отнюдь не равнодушна к "славе России" и вовсе не была враждебна иным влиятельным группировкам русского шляхетства и бюрократии, с которыми к тому же (как, например, с С. А. Салтыковым, племянником которого был Волинский) была связана родственными узами. Не вникая глубоко в дела и поддаваясь влияниям фаворитов, она все же оставляла известную "свободу рук" многим звеньям государственного аппарата, который, как показывают последние исследования, сохраняя в своем составе квалифицированных иностранных специалистов еще "петровского призыва", был по преимуществу русским и действовал на законодательной базе, определившейся еще в петровскую эпоху - это порой позволяло проводить достаточно эффективную "отраслевую" политику, если во главе ведомства оказывались квалифицированные администраторы (как, например, Татищев в руководстве монетным делом или уральской металлургией).

Примечания

1. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. М. 1993, с. 661.
2. АНИСИМОВ Е. В. Россия без Петра: 1725 - 1740. СПб. 1994, с. 459 - 474.
3. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 661.
4. Отдел письменных источников государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 395, д. 7. Опубликованная их часть: Из записок Ф. И. Соймонова. - Морской сборник, 1889, N 9, с. 94 - 132; N 10, с. 85 - 103. Записки Соймонова трудночитаемы из-за его крайне неразборчивого почерка, что отразилось как в их публикации, так и в нашем изложении, где мы ограничиваемся ссылками только на поддающиеся достаточно надежной дешифровке места в тексте.
5. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 80. СПб. 1892, с. 104.
6. СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч., с. 652 - 653; АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 460 - 462.
7. РОЖКОВ В. И. Берг-компания на магнитной горе Благодать в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии. - Горный журнал, 1885, N 4, с. 119 - 141; N 5, с. 243

- 301; N 6, с. 435 - 466; N 7, с. 101 - 139.

8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, кн. 1098, л. 5 - 22.

стр. 45

9. WITTRAM R. Peter I. Czar und Keiser. Gottingen. 1964, S. 265; Bushkovitch P. Peter the Great. The struggle for Power, 1671 - 1725. Cambridge univ. press. 2001, p. 213, 221 - 222, 252.

10. ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 7, л. 16.

11. Там же, л. 92 - 94.

12. ПАВЛЕНКО Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. М. 1953, с. 122.

13. ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 7, л. 95 об.

14. Там же, л. 94 об., 95.

15. Прощение Н. Ф. Головина от 20 апреля 1740 г. Отечественные записки. 1860. Т. 130. Приложение 2, с. 605 - 606.

16. ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 7, л. 96 об.

17. Там же, л. 96 об., 97, 123.

18. АНДРЕЕВ А. И. Экспедиция В. Беринга. Известия Всесоюзн. Географич. об-ва. Т. 75. М. 1943, с. 21.

19. Сб. РИО. Т. 124, с. 152 - 153.

20. АНДРЕЕВ А. И. Ук. соч., с. 21.

21. Сб. РИО. Т. 124, с. 152 - 153; АНДРЕЕВ А. И. Ук. соч., с. 21.

22. Там же.

23. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., с. 461.

24. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 30 об., 35.
25. СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч., с. 655; АНИСИМОВ Е. В. Анна Иоанновна. М. 2002, с. 328 - 329.
26. ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 7, л. 95 об.
27. РГАДА, ф. 248, кн. 1098, л. 211 - 215.
28. Донесение В. Н. Татищева от 29 марта 1738 г. (РГАДА, ф. 248, кн. 1527, л. 169-об., необъяснимым образом датированное А. И. Юхтом годом спустя, хотя даже в самой публикации под документом стоит верная дата (ТАТИЩЕВ В. Н. Записки. Письма. 1717 - 1750. М. 1990, с. 275).
29. РОЖКОВ В. И. Берг-компания... - Горный журнал, 1885, N 7, с. 102.
30. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 641 - 642; ПОПОВ Н. А. Татищев и его время. М. 1861, с. 203.
31. Записка об Артемии Волынском. Чтения в Обществе истории древностей российских (ЧО-ИДР). 1858. Кн. II, с. 147.
32. БУКАНОВА Р. Г. Города-крепости Юго-Востока России в XVIII в. Уфа. 1997, с. 145.
33. Сб. РИО. Т. 80, с. 469 - 472, 414.
34. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 89, 96 об.
35. Сб. РИО. Т. 80, с. 469 - 472.
36. АНИСИМОВ Е. В. Анна Иоанновна, с. 348 - 349.
37. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 97-об., 101 об.
38. БИРОН Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста Иоганна Бирена, герцога Курляндского. ХМЫРОВ М. Д. Исторические статьи. СПб. 1873, с. 318.
39. РГАДА, ф. 248, кн. 542, л. 601 - 604, 948 - 950 об.
40. ОПИ ГИМ, ф. 395, д. 7, л. 104 - 105.
41. Записка об Артемии Волынском, с. 137; текст записки - РГАДА, ф. 6, д. 195, л. 11 - 19 об.

42. Записка об Артемии Волынском, с. 137 - 138.
43. РГАДА, ф. 9, д. 196, л. 2 - 3 об.
44. Там же, ф. 248, кн. 1182, л. 101 - 296; 1048 - 1138.
45. Там же, кн. 1507, л. 243 об. -244.
46. Записка об Артемии Волынском..., с. 138.
47. Полный свод законов (ПСЗ-1). Т. X, N 7907.
48. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Собрание сочинений. Т. I. М. 1994, с. 125, 318, 328.
49. ГОТЪЕ Ю. В. "Проект о поправлении государственных дел" Артемия Петровича Волынского. "Дела и дни". Кн. III. Пбг. 1922, с. 3, 5.
50. ТИТЛИНОВ Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна. 1905, с. 371 - 417.
51. Записка об Артемии Волынском..., с. 153 - 154.
52. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 5; Записка об Артемии Волынском..., с. 149.
53. Там же, с. 158.
54. КУРУКИН И. В. Эпоха дворцовых бурь: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань. 2003, с. 248 - 249.
55. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 9.
56. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 111 об.
57. Там же; Записка об Артемии Волынском..., с. 149.
58. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 3, 10.
59. У Соловьева возникло невольное смещение в хронологии: согласно его изложению получается, что "проект" писался еще до "петергофской записки" 1739 г. (СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч., с. 660 - 661).

60. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 24.
61. Там же, с. 18.
62. Там же, с. 6.
63. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 155.
64. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 18 - 24.
65. Там же, с. 21 - 24.
66. Там же, с. 21.
67. Там же.
68. Там же, с. 23.
69. Там же.
70. Там же.
71. ВОЛЫНСКИЙ А. П. "Мнение" 1735 г. - Отечественные записки, 1860, N 6, с. 600 - 601.
72. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 23.
73. РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 155.
74. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 7, 19.
75. Там же, с. 22, 24.
76. Записка об Артемии Волынском., с. 151.
77. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 7.
78. КУРУКИН И. В. Ук. соч., с. 265.
79. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 22.
80. Там же. Ук. соч., с. 24.

81. Там же, с. 23 - 24.
82. Там же, с. 24.
83. ПСЗ-1. Т. XI, N 8022, 8021.
84. РГАДА, ф. 177, оп. 1740 г, д. 102, л. 1 - 8 об.
85. Сб. РИО. Т. 138, с. 135.
86. КУРУКИН И. В. Ук. соч., с. 226.
87. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 654.
88. АНДРЕЕВ А. И. Ук. соч., с. 22 - 23.
89. Сб. РИО. Т. 86. СПб. 1893, с. 296 - 297.
90. Перевороты и войны. М. 1997, с. 302, 304, 161 - 162.
91. КУРУКИН И. В. Ук. соч., с. 243 - 245.
92. Сб. РИО. Т. 86, с. 242.
93. КУРУКИН И. В. Ук. соч., с. 225 - 275.
94. Перевороты и войны..., с. 302.
95. Записка об Артемии Волынском..., с. 156.
96. Там же, с. 141 - 147.
97. АНИСИМОВ Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М. 1999, с. 53 - 57.
98. Записка об Артемии Волынском..., с. 147.
99. АНИСИМОВ Е. В. Дыба и кнут..., с. 55.
100. В последующем А. И. Остермана прямо обвиняли в "режиссуре" дела Волынского и в подборе состава комиссии. РГАДА, ф. 6, д. 304, л. 31 - 31 об.; 18 об. - 19.
101. Записка об Артемии Волынском, с. 149, 158, 159.

102. Там же, с. 149 - 153.
103. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 8
104. Записка об Артемии Волынском..., с. 160.
105. ГОТЪЕ Ю. В. Ук. соч., с. 19 - 20.
106. ПСЗ-1. Т. XI, N 8077, 8078, 8082, 8080, 8081.
107. СБ. РИО. Т. 138, с. 399.
108. Там же, с. 161 - 162.
109. КУРУКИН И. В. Ук. соч., с. 258, 273 (прим. 145).